

Брат и сестра поговорили несколько минут, но связь на фронте была плохой, и чем дальше, тем сложнее было разговаривать. Чэн Мэйсинь решила взять трубку и мягко сказала:

— Гуйсю, это я. Ну что за ребёнок! Твой характер даже хуже, чем у твоего отца!

Командующий Цао обернулся к ней, а она подмигнула ему в ответ:

— Сейчас не время терять самообладание! Если ты будешь действовать импульсивно, как твой отец справится с ситуацией? Наша семья Цао и так не принадлежит к главной линии. Даже в мирное время нас пытаются очернить, а тут ещё и реальный повод! Вспомни, как пала семья Нью в прошлом году!

С другой стороны Цао Гуйсю, видимо, сказал что-то неприятное, потому что Чэн Мэйсинь, сохраняя улыбку, стала выглядеть всё холоднее и жёстче. Она закрыла глаза на мгновение, а затем снова улыбнулась:

— Да, я всего лишь женщина, играю в карты и воспитываю детей, что я могу знать? Не то что вы, кто проходит через все трудности.

Она посмотрела на Третью госпожу, улыбаясь, но с лёгкой строгостью:

— Я не разбираюсь в мужских делах. Я просто беспокоюсь за твою сестру, поэтому считаю, что ты поступаешь неправильно. Твоя сестра в следующем году должна выйти замуж за второго сына семьи Линь, ты его видел, помнишь? Да, это он, воспитанный и достойный человек. Скажи, если с нашей семьёй что-то случится, что будет с твоей сестрой? Мальчики смогут как-то выжить, но девочка не должна страдать.

Цао Гуйсю, похоже, начал колебаться, и Чэн Мэйсинь продолжила наступление:

— Ваша мать оставила вас двоих на моё попечение. Ты уже взрослый, я не могу тебя контролировать. Но я хочу, чтобы твоя сестра вышла замуж в мире и спокойствии, чтобы я могла выполнить свой долг перед вашей матерью. Я, хоть и мачеха, думаю об этом. Разве ты, как родной брат, не можешь потерпеть ради сестры? Если есть злость, выпусти её после свадьбы сестры, ладно? Японцы здесь уже много лет, они никуда не денутся.

Услышав о своём будущем замужестве, Третья госпожа смущённо поднялась в свою комнату. Чэн Мэйсинь, закончив разговор с Цао Гуйсю и выразив ему заботу, наконец повесила трубку. Командующий Цао, к этому времени уже успокоившийся, понял, что ему не придётся ехать и совершать акт справедливости, но всё ещё ворчал:

— Что это значит? После свадьбы дочери он сможет делать, что захочет?

Чэн Мэйсинь с лёгким смешком ответила:

— Сейчас главное — уговорить его слушаться. У тебя есть целый год, чтобы его обуздать. Если ты не справишься, тогда действительно стоит его пристрелить.

Командующий Цао усмехнулся. Чэн Фэнтай, наблюдая за этой сценой, вспомнил, как в юности Чэн Мэйсинь использовала такие же методы на нём. Он до сих пор не держал на неё зла, но, взглянув на ситуацию с другой стороны, почувствовал горечь и печаль. Казалось, он невольно оказался в одном лагере с Цао Гуйсю, ведь в прошлом его слабости и положение были схожими.

Командующий Цао наконец вспомнил о своём шурине и, хлопнув его по бедру, спросил:

— Что ты здесь делаешь?

Чэн Фэнтай, очнувшись, быстро объяснил ситуацию. Командующий Цао, услышав это, выругался и начал звонить, чтобы выяснить, кто стоит за нападением. У него было много врагов, и он подозревал всех подряд. В любом случае, даже если это не были люди из его армии, ответа он не получил. Чэн Фэнтай покинул резиденцию Цао и направился к семьям погибших помощников, чтобы выразить соболезнования. Обе семьи были большими, с пожилыми родителями и маленькими детьми. Смерть кормильца стала для них настоящей катастрофой. Плач женщин и детей растрогал Чэн Фэнтая. Закончив с этим, он, не поужинав, сел в автомобиль и, растирая виски, почувствовал, что давно не испытывал такого напряжения.

Чэн Фэнтай вздохнул и спросил Старину Гэ:

— Который час?

Хотя у него были наручные часы, он даже не взглянул на них.

Старина Гэ, управляя машиной, взглянул на свои часы:

— Без четверти восемь. Едем к семье Фань? Или сначала поужинаем?

Чэн Фэнтай посмотрел в окно:

— Эй! Где мы? Это по пути в Театр Цинфэн?

Старина Гэ ответил:

— Нет, это далеко.

Чэн Фэнтай сказал:

— Всё равно поедем туда.

Старина Гэ, не возражая, повернул машину. С тех пор, как Чэн Фэнтай начал общаться с Шан Сижуюем, Старина Гэ по-новому взглянул на своего хозяина. Раньше, когда Чэн Фэнтай искал любовниц, девять раз из десяти это было ради интима, а один раз — чтобы подготовить почву для него. Теперь же, встречаясь с Шан Сижуюем, он редко доходил до этого. Шан Сижуй был слишком занят, и времени на личное оставалось мало. Но Чэн Фэнтай всё равно искал встреч,

чтобы просто поговорить. Это было не похоже на обычные отношения. Старина Гэ не мог понять, что это было, но он знал, что Шан Сижуй обладал особым талантом: Чэн Фэнтай, раньше не любивший оперу, теперь с удовольствием слушал её, а его страсть к «спанью» с другими угасла.

Старина Гэ, размышляя об этом, ехал молча. Чэн Фэнтай, откинувшись на сиденье, закрыл глаза, но в душе было тяжело. Шан Сижуй становился всё более настойчивым, даже больше, чем Вторая госпожа в прошлом. Если Вторая госпожа следила за ним, как взрослый за ребёнком, боясь, что он попадёт в беду или увлечётся чем-то посторонним, то Шан Сижуй был как кошка, охраняющая свою добычу, готовый укусить любого, кто попытается к ней приблизиться, или просто съесть её сам.

И это было не шуткой.

В Тереме Водных Облаков появились новые лицедеи, и Шан Сижуй, не теряя времени, решил испытать двоих, которых давно присматривал. Он не стал проверять их голоса, так как уже знал, кто на что способен. За кулисами царил привычный хаос. Шан Сижуй, одетый в белый театральный костюм, смеялся и болтал с окружающими, а в воздухе витал сладкий аромат — кто-то готовил суп из серебристых грибов.

Девятнадцатая, обращаясь к новичкам, громко сказала:

— Если говорить о правилах нашего Терема Водных Облаков, прежде всего запомните: всё самое вкусное и лучшее сначала должно быть предложено нашему главе труппы!

С этими словами она подала Шан Сижую чашу с супом, добавив туда пару ложек консервированных вишен и апельсинов.

Шан Сижуй, сделав большой глоток, нахмурился:

— Перед выступлением это есть нельзя, голос затынет.

Юань Лань, нанося румяна перед зеркалом, улыбнулась:

— Вот и хорошо! Твой голос слишком высок, кто за ним успеет? Если его немного затянуть, нам будет проще!

Шан Сижуй, польщённый, с удовольствием сделал ещё глоток. Сам он мог позволить себе это, но другим лицедеям запрещал есть перед выступлением, так как их голоса не выдерживали такой нагрузки. Видимо, второе правило Терема Водных Облаков заключалось в том, что глава труппы всегда имел двойные стандарты, и его снисходительность к себе не должна была служить примером для подражания.

Чэн Фэнтай, открыв дверь, постучал по косяку, но не вошёл, оставаясь в тени:

— Шан Сижуй, подойди, поговорим.

Шан Сижуй, увидев его, почувствовал, что его улыбка сегодня была усталой, но тёплой, и вдруг смутился. Зачем говорить наедине, когда можно было обсудить всё здесь? Но окружающие уже смотрели на них, и Шан Сижуй, смущаясь, не решался подойти.

Юань Лань, чтобы подразнить его, сказала:

— Тебя зовут! Почему не идёшь?

Она подтолкнула его к двери и, с улыбкой закрыв её за ними, оставила их в тёмном коридоре. В коридоре не было света, и Шан Сижуй всё ещё держал чашу с супом. Чэн Фэнтай, взглянув на неё, сказал:

— Еда? Можешь поделиться? Я умираю от голода!

<http://bllate.org/book/15435/1368679>